

УДК 778.5

DOI: 10.24412/2618-9313-2021-417-22-25

«Немыслимое чудо Ориона...» Космос в поэтике и практике Арсения Тарковского*МАЛАЯ Э. Р.*

ORCID ID: 0000-0002-8934-1471



Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non-Commercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Аннотация

В статье в формате научного издания вводится ценный экспонат из собрания Музея кино — телескоп известного российского поэта и переводчика Арсения Александровича Тарковского. На материале его поэтического наследия сделана попытка выявить значимые художественные образы, связанные с астрономией, и установить их место в лирике Тарковского.

Ключевые слова

Арсений Тарковский, телескоп, астрономия, Андрей Тарковский, лирика

UDC 778.5

“The Incredible Miracle of Orion...” Outer Space in the Poetry and Everyday Life of Arseny Tarkovsky*MALAYA, E. R.***Abstract**

The article describes a valuable exhibit from the collection of the Film Museum - the telescope of the famous Russian poet and translator Arseniy Alexandrovich Tarkovsky. Analyzing his poems, the author seeks to explore the key images associated with astronomy and tries to examine what place they occupied in Tarkovsky's lyrical poetry.

Keywords

Arseniy Tarkovsky, telescope, astronomy, Andrey Tarkovsky, lyrics

В собрании Музея кино хранится телескоп знаменитого русского поэта А. Тарковского. Интерес к астрономии, хобби, живой интерес к закономерностям движения небесных тел надолго вошли в жизнь мастера еще с юности [1]. Казалось бы, такой предмет не имеет прямого отношения к кино. Формально — это так. Но надо понимать, что в жизни поэта имеет значение все, даже его увлечения.

Об этом периоде рассказывает дочь поэта — М. А. Тарковская: «Как началось папино увлечение астрономией? Знаю, что звездное небо интересовало его с раннего детства, но все-таки, что явилось импульсом к его увлечению пятидесятих годов? Может быть, когда-нибудь я найду ответ на этот вопрос, сейчас могу сказать только, что если папа начинал чем-либо заниматься, то делал это со всей страстью своей души.

Пик увлечения астрономией пришелся на пятидесятые годы, годы жизни в Голицыне, в доме, который папа так и не смог полюбить. Но это выяснилось позже, а тогда именно из-за того, что существовал этот дом, он принялся за астрономию. Интересно, что в эти годы им написано небольшое количество стихотворений, часть из которых посвящалась звездам. Это свидетельствует о том, что начиная с 1952 года астрономия поглотила его почти целиком.

Астрономическая деятельность папы развивалась по нескольким направлениям: собирание и изучение научной литературы; строительство телескопов; наблюдение за звездным небом, в том числе визуальные наблюдения переменных звезд; переписка с учеными (в основном по поводу астрономической оптики); переписка с любителями-астрономами, помощь им; участие в работе Всесоюзного астрономо-геодезического общества, ВАГО.

В Голицыне хранилась астрономическая библиотека папы, в которой собрано огромное количество специальной литературы, сотни книг по астрономии! В записной книжке папы перечислены некоторые из них, причем указано не только точное название книги, но также число, месяц и год ее приобретения.

И вся эта научная литература была не только куплена, привезена и расставлена на книжных полках, но и тщательно изучена папой» [2, с. 278].

Важный мотив связанный с космосом в поэтике Тарковского, — это звезды, вечные обитатели космического пространства, звучащие подобно музыкальному инструменту или, быть может, гармонии небесных сфер. В стихотворении «Из окна» («Наверчены звездные линии...») эта звучащая Вселенная вторгается в земную жизнь поэта, подобно созданиям планеты-Солярис, которые вторгаются в жизни героев:

Наверчены звездные линии
 На северном полюсе мира,
 И прямоугольная, синяя
 В окно мое вдвинута лира. [3, с. 179]

Звезды или одинокая звезда в поэтике Тарковского-старшего главные, вечные обитатели Вселенной. Не этот ли мотив возникнет и в творчестве его гениального сына-режиссера — звезда на дне колодца обрамленная, словно оконной рамой,

деревянным срубом: «...Эпизод начинается с самой высокой и светлой ноты — звезда на дне колодца, которую летним полднем показывает мальчику мать в одном из снов... Вот он на дне сруба и ловит ее руками в темной воде...» [5, с. 18] Звезды, созвездия в поэзии Тарковского уподобляются божественным письменном, а быть может, и имени Бога, которого не дано знать смертным как в знаменитом «Кухарка жирная у скаред...»:

За росчерк звезд над головой... [3, с. 122]

Звезды у А. Тарковского — создания, живущие собственной многогранной жизнью:

Во вселенной наш разум счастливый
Ненадежное строит жильё,
Люди, звезды и ангелы живы
Шаровым натяженьем ее [3, с. 244].

Им свойственны занятия бессмертных, древнейшее из которых — танец. Звезды в его поэзии танцуют, подобно богам, созидающим и разрушающим миры:

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид [3, с. 243].

Но вместе с тем звезды поют или говорят: не словесно, не выговаривают, но иначе, особым секретным образом передают полные тайного смысла послания на божественном языке:

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела мне птица,
Белый день наболтал, наморгала звезда... [3, с. 240]

Жизнь звезд ткется вместе с историей вселенной, космоса, частью которого, без сомнения, является и сознание человека, а стало быть и акт (со)творения есть акт божественный, потому воображающий, мыслящий образами Художник (и он же Поэт) является, по Тарковскому, демиургом. Таким предстает П. Клее из одноименного стихотворения: в его творческом акте, акте рисования созидаются миры, где звезды — лишь одно из созданий:

Жил да был художник Пауль Клее
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,
Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне [3, с. 217].

О том, что между Художником, — и потому божественным призвания художника и поэта, — и звездами существует особая, незримая, но глубоко изначальная связь, говорится в стихотворении «Я учился траве, раскрывая тетрадь...» Художник и звезды неразрывно связаны, потому что он владеет космической речью, сакральным языком, который известен живым творениям Земли и созданиям неба. Однако Художник отнюдь не всемогущ, не случайно поэт не рожден со знанием этого языка, он «учился траве», «ловил соответствие цвета и звука», а постижение «Адамовой тайны», предназначения человека открывает он лишь «чудом». Однако этот мотив долгого, многотрудного научения, близкого монашескому обету, изменяет и самого Художника, Поэта, Мастера. Его сознание одновременно принадлежит и ему, и Вселенной, поэтому звезды ведут себя с ним, владеющим даром божественного слова, не как со смертным:

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизив ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав [3, с. 50].

Божественность Художника-творца в мире несомненна, его пребывание в бренном человеческом теле, претерпевающем, страдающем — лишь мгновение *истинной* подлинно-бессмертной жизни, как следует из стихотворения «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог»:

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,
Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван-Гог [3, с. 66].

В другом стихотворении «Звездный каталог», проникнутом тонкой иронией, номера из астрономического звездного каталога сравниваются с номерами телефонными:

До сих пор мне было невдомек —
Для чего мне звездный каталог?
В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,
Десять миллионов номеров
Телефонов марев и миров,

Полный свод свеченья и мерцанья,
 Список абонентов мироздания.
 Я-то знаю, как зовут звезду,
 Я и телефон ее найду... [3, с. 43]

Практическая деятельность астронома-любителя, ставшая подлинной страстью Тарковского выкристаллизовывается в мотивах борьбы: поэтического языка, способного иррационально охватить всю Вселенную, говорить на языке звезд и понимать и вечный танец, но в то же время, важен мотив рационалистический, без которого невозможна астрономия как наука. У поэта в его собрании стихотворений есть небольшое число таких произведений, где лирический герой предстает не столько Демиургом, сколько Ученым. Таков герой из «Телец, Орион, Большой пес», стремящийся изучить «могучую архитектуру ночи» подобно божественному храму, но возведенному согласно строгим законам эстетического соответствия и гармонии. Многие звезды ему уже не суждено увидеть или суждено увидеть лишь раз, пока они наблюдаемы с Земли, поэтому знание положения нашей планеты относительно мириад небесных тел, их научных лапидарных описаний из каталога — совсем не прихоть:

Мне раз еще увидеть суждено
 Сверкающее это полотенце,
 Божественную перемышку счастья,
 И что бы люди там ни говорили —
 Я доживу, переберу позвездно,
 Пересчитаю их по каталогу,
 Перечитаю их по книге ночи [3, с. 183].

Строительство телескопа, — устройства достаточно сложного, деликатного и не поступавшего в широкую продажу в те годы, — эта идея захватила поэта. В «Осколках зеркала» М. Тарковская приводит несколько писем, свидетельствующих о том, какие усилия прилагал поэт, чтобы получить в свое распоряжение этот столь важный инструмент. В своей любви к звездам поэт не был одинок и пытался популяризовать астрономию: в планах, увы, не сбывшихся было создание народной обсерватории, секции телескопостроения в поселке Голицино (где Тарковскими была куплена половина дома), а в 1950-х гг. даже поэт был избран членом Совета Московского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества. «Папа забывал обо всем на свете — а главное, о сроках сдачи очередного перевода. А так как для всех астрономических занятий были нужны деньги, папа заключал договора с издательствами. Тратился аванс, и когда приближался срок сдачи перевода,



Телескоп А. Тарковского. © Фото Музей кино

наступала катастрофа...» [2, с. 280].

О глубине этого увлечения свидетельствуют и люди, близко знавшие Тарковских. Писатель, поэт и художник Ю. Коваль вспоминает курьезный случай: Тарковский, увидев в магазине бинокль, не смог устоять. Татьяна Алексеевна (супруга поэта) задала резонный вопрос:

- А что это у тебя на груди болтается?
- Да это, — он говорит, — чепуха, не обращай внимания <...>.
- Нет, позволь, Арсений, — говорит Т. А. — Но это же, кажется, бинокль?
- Да. Тут мы с Юрочкой думали-думали и решили купить.

- И сколько же он стоит?
- Это был последний экземпляр, и мы его купили по смехотворно низкой цене.
- Арс! Но у тебя есть по крайней мере шесть биноклей и еще подзорная труба!
- Таня, ты не понимаешь! У меня есть бинокли — шестикратные (труба не в счет), двенадцатикратные, но — восьмикратного у меня не было... [4, с. 111]

Запись телескопа в научном паспорте, согласно с музейными правилами:

Астрономический прибор, мемориальный предмет. Телескоп Тарковского А. А., 1950-е г. Германия (оптика), размер: d-11,5 дл. 121

Описание. Надписи: На латунной части клеймо фирмы и № 9615.

На верхнем окуляре: “Kellner’sches okular, f-40 mm, 30x”.

На боковом: “Huyghens’sches okular, f-18 mm, 67x, Carl Zeiss Jena”

В разделе Андрея Тарковского постоянной экспозиции Музея кино есть фотография его поэта-отца в военной форме, образ которого присутствует в фильмах режиссера, в витрине выложены пластинки с записями классической музыки из коллекции поэта. Телескоп хранится в мемориальном фонде, как предмет — не вписывается в концепцию, да и места занимает много. Вместе с ним на хранении находятся и другие не менее интересные приборы, например, биноклярная труба — мощный морской бинокль на подставке, большие и маленькие окуляры, линзы, призмы, лупы, зеркала и т.п. Все в ящичках, пенальчиках, коробках и коробочках того времени, с аккуратными надписями, сделанными рукой Арсения Тарковского, — что это, когда и от кого получено. Все это было ему дорого в прямом и переносном смысле слова.

Литература

1. Педиконе П. Тарковские: отец и сын в зеркале судьбы. М.: ЭНАС, 2008. 406 с.
2. Тарковская М. А. Осколки зеркала. М.: Вагриус, 2006. 416 с.
3. Тарковский А. А. Избранное: Стихотворения; Поэмы; Переводы. 1929–1979. М.: Худож. лит., 1982. 736 с.
4. Тарковский А. А. Ностальгия. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ: Зебра Е, 2008. 494 с.
5. Туровская М. И. 7 1/2, или Фильмы Андрея Тарковского. М.: Искусство, 1991. 253 с.

References

1. Pedikone, P. *Tarkovskie: otec i syn v zerkale sud'by* [Tarkovsky: father and son in the mirror of fate]. Moscow: ENAS, 2008. 406 p. (In Russian)
2. Tarkovskaya, M. A. *Oskolki zerkala* [Fragments of the mirror]. Moscow: Vagrius, 2006. 416 p. (In Russian)
3. Tarkovskij, A. A. *Izbrannoe: Stihotvoreniya; Poemy; Perevody. 1929–1979* [Favorites: Lyrics; Poems; Translations. 1929–1979]. Moscow: Hudozh. lit., 1982. 736 p. (In Russian)
4. Tarkovskij, A. A. *Nostal'giya* [Nostalgia]. Moscow: AST: HRANITEL: Zebra E, 2008. 494 p. (In Russian)
5. Turovskaya, M. I. *7 1/2, ili Fil'my Andrey Tarkovskogo* [7 1/2, or The Films of Andrei Tarkovsky]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 253 p. (In Russian)